

А. Е. ПРОБСТ

К теории промышленного штандорта *)

В последнее время проблеме географического размещения промышленности уделяется довольно значительное внимание в буржуазной экономической литературе. Но как ни велик интерес, проявляемый на западе к данной проблеме, значение последней при капитализме ограничивается только чисто теоретико-познавательными целями. Это верно не только для эпохи промышленного капитализма, но и для финансового капитализма; и в условиях монополистического капитализма, в силу присущих ему противоречий и невозможности осуществления капиталистическими монополиями действительного планирования производства, — проблема промышленного штандорта лишена сколько нибудь значительного практического значения.

Совсем по иному ставится проблема штандорта у нас в СССР. У нас проблема штандорта впервые в истории приобретает огромное практическое значение. Ведь задачей перспективного планирования является разработка не только количественно определенного плана развития отдельных отраслей; дабы перспективный план имел действительно реальное значение, он должен представлять из себя план не только во времени, но и в пространстве. Он обязательно должен заключать в себе план оптимального географического размещения общественного производства, ибо в противном случае перспективный план представлял бы из себя слишком абстрактную схему.

Следовательно, в наших условиях имеется огромная и актуальнейшая потребность, вызываемая практическими задачами нашего хозяйства, во всестороннем исследовании проблемы штандорта. Необходимо тщательное исследование принципов географического размещения промышленности в условиях нашего хозяйства и закономерности в размещении каждой отрасли производства в отдельности. Недостаточное исследование до настоящего времени этих проблем лишает базы наше перспективное планирование и приводит к тому, что территориальное размещение нового строительства часто недостаточно обосновывается и имеет нередко случайный характер.

Проблема географического размещения промышленности привлекала к себе внимание уже в 1 половине прошлого столетия. Еще классики при разработке проблем международной торговли и действия закона стоимости в международном обмене затронули некоторые вопросы географического размещения производства **). В продолжение XIX столетия

*) Отрывок из 1 главы подготовляемой к печати работы: „Основные проблемы географического размещения каменноугольной промышленности СССР“.

**) Поставленная еще Д. Рикардо эта проблема получила наиболее подробную разработку из экономистов классической школы у Д. Э. Кэрна (Some Leading Principles of Political Economy; русский сокращенный перевод в „Библиотеке экономистов“); он же

эта проблема вновь поднималась несколько раз. Но все работы, появившиеся на протяжении всего XIX столетия, в которых так или иначе рассматривалась проблема штандорта, все же представляют весьма незначительный интерес, ибо авторы их оказались совершенно не в состоянии создать какую либо цельную и законченную теорию штандорта. И только в появившейся в 1909 г. работе А. Вебера мы имеем первую и, пожалуй, единственную попытку построения цельной и систематической теории (а не описания отдельных эмпирических закономерностей) географического размещения промышленности. Работа Вебера — лучшее из того, что дала буржуазная экономическая наука по этому вопросу; она во всяком случае охватывает все „достижения“ своих предшественников, а потому, прежде чем приступить к построению теории размещения нашей промышленности, представляется необходимым подвергнуть тщательной марксистской критике теорию Вебера, с целью выяснения тех положительных элементов ее, которые могли бы быть использованы применительно к нашему хозяйству.

Автор „Ueber den Standort der Industrien“ поставил себе задачу сконструировать универсальную теорию штандорта промышленности, годную для всех времен и эпох. Несмотря на то, что фактически объектом исследования у него является всегда только капиталистическое хозяйство, Вебер все же считает возможным на базе исследования капиталистического хозяйства сконструировать теорию штандорта для „чистого“ хозяйства. Основное положение А. Вебера, определившее всю методологию и направление его работы, заключается в том, что в любой социально-экономической системе действуют одни и те же штандортные факторы. В капиталистическом хозяйстве, по мнению Вебера, отличны сравнительно с „чистым“ хозяйством не самые штандортные факторы, а исключительно лишь форма их проявления; таким образом, отбрасывая ту специфическую форму, в которую облечены при капитализме региональные и вообще штандортные факторы, возможно будет сконструировать „чистую“ теорию штандорта*).

Для марксиста должно быть бесспорным, что естественно-географические условия сами по себе еще не определяют размещения промышленности. „По Марксу, говорит Г. Плеханов, географическая среда влияет на человека через посредство производственных отношений, возникающих в данной местности на основе данных производительных сил, первым условием развития которых являются свойства этой среды“ (**). Материально-технические условия, так же как и естественно-географические, влияют на пространственное размещение промышленности не не-

наиболее близко подошел к проблеме географического размещения производства. В 60 годах к проблеме промышленного штандорта специально возвращается W. Roscher (Studien über die Naturgesetze, welche den zweckmässigsten Standort der Industriezweige bestimmen), позже A. Schöfle (das gesellschaftliche System Tübingen 1873. Bd. 2). Этой же проблеме уделяет довольно значительное внимание Евгений Дюринг („Курс национальной экономики С. П. Б. 1893 г. Отд. 2, гл. 2), А. Гобсон и другие. Довольно подробная библиография вопроса составлена А. Ноткиным, частично помещенная в журнале „Пути индустриализации“.

Нам представляется, поэтому, что С. В. Бернштейн-Коган без достаточных оснований приписывает Ж. Б. Сзю честь чуть ли не основоположника теории размещения промышленности. С. В. Бернштейн-Коган. К вопросу о постановке работ по районированию. М. 1925, стр. 25. У Сзя по этому вопросу ничего кроме нескольких, к тому же мимоходом брошенных, совершенно банальных замечаний, не имеется. (См. J. B. Say. Cours d'economie politique pratique; 2-me partie XI chapitre).

*) A. Weber. Ueber den Standort der Industrien, Tübingen. 1922. S 25. Очень жаль, что в русском сокращенном переводе отсутствуют все эти рассуждения Вебера, ибо ведь именно они дают возможность понять всю методологию работы Вебера.

**) Г. В. Плеханов. „Основн. вопросы марксизма“ собр. соч. т.

посредственно, а косвенно, лишь через экономику, лишь постольку, поскольку они получают известное экономическое выражение, поскольку они включаются в экономику. Географическое размещение производства, следовательно, определяется экономическими факторами, которые и представляют собственно предмет *теории* штандорта. А это означает, что, поскольку экономический фактор всегда по своей природе историчен, совершенно исключается возможность построения универсальной теории штандорта. Вебер впадает в грубейшую ошибку, утверждая, что с изменением социально-экономической структуры общества изменяется только лишь *форма* проявления штандортных факторов. С изменением социально-экономической формации неизбежно изменяется не только форма, но и само *содержание* штандортных факторов. Каждой хозяйственной системе присущи свои специфические и, следовательно, исторические штандортные факторы. Совершенно прав В. Зомбарт, указывая в своих критических замечаниях по поводу работы Вебера ^{*)}, что основной дегломерационный фактор, указанный Вебером — земельная рента ведь не является „логической категорией“, а категорией, присущей исключительно капиталистическому обществу, и, следовательно, данный штандортный фактор, не будучи по своей природе „над историческим“, не может быть предметом „чистой“ теории штандорта. Аналогично обстоит дело и с другими „универсальными“ штандортными факторами. „Рабочая ориентация“, или ориентация к пунктам наиболее дешевой рабочей силы, опять таки присуща исключительно капиталистическому обществу, ибо только в последнем рабочая сила является предметом купли-продажи, становится товаром. С другой стороны бесспорно, что, например, в социалистическом хозяйстве должны действовать свои особые штандортные факторы. Следовательно, нет и не может быть по своей природе ни „логических“ штандортных факторов, ни „чистой“ универсальной теории штандорта.

Вебер не только, конечно, не создал универсальной теории штандорта, но даже поставить саму проблему штандорта он не смог иначе, как в соответствии с интересами капиталистической системы.

Специфичность капиталистических условий сказалась даже в самой постановке проблемы штандорта, ибо последнюю и Вебер и другие буржуазные экономисты рассматривали не как проблему оптимального географического размещения всего народного хозяйства в целом, а как проблему выбора наивыгоднейшего (конечно с частно-хозяйственной точки зрения) местонахождения *единичного* предприятия. Само собой разумеется, что нельзя создать теорию размещения народного хозяйства путем суммирования принципов наивыгоднейшего размещения отдельных предприятий обрабатывающей и добывающей промышленности и сельского хозяйства, ибо народное хозяйство представляет собой не сумму индивидуальных хозяйств и отдельных отраслей, а их систему, и между размещением в пространстве отдельных ее элементов имеется слишком тесная взаимозависимость и взаимообусловленность. Поэтому должна быть создана *синтетическая* теория размещения народного хозяйства в целом, на основе которой (переходя от общего к частному, но всегда исходя от народного хозяйства в целом) можно будет исследовать географическое размещение отдельных отраслей, а затем и отдельных предприятий. Конечно, проблема штандорта в такой постановке может иметь место только в условиях единого планового хозяйства, и сужая до минимума саму постановку проблемы штандорта, Вебер действовал в пол-

^{*)} W. Sombart. Einige Anmerkungen zur Lehre vom Standort der Industrien. Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 1910. Bd. XXX. S. 751.

ном соответствии с практическими, но исторически ограниченными интересами капиталистического хозяйства.

Чрезвычайно любопытно отметить, что у Вебера „чистое“ хозяйство, также само как в свое время у классиков, удивительно напоминает капиталистическое хозяйство. Вебер все время оперирует категорией „издержек производства“, но он совершенно не отдает себе отчета, что и эта категория вовсе не является „логической“. В капиталистическом хозяйстве издержки производства проявляются исключительно, как частно-хозяйственные издержки производства, как издержки, или вернее затраты, исключительно оплаченного живого и мертвого труда. Для Вебера, как типичного представителя буржуазной экономической науки, конечно, не существует никакого противоречия между капиталистическими и действительными издержками производства. А ведь если мы подойдем к проблеме географического размещения производства с точки зрения затрат общественно необходимого труда (а именно только так и должна рассматриваться эта проблема в условиях обобществленного хозяйства), то не только должны будут возникнуть новые штандортные факторы, но значительная часть положений, выставляемых Вебером в качестве универсальных, потеряют всякое значение.

Попытка Вебера создать универсальную теорию штандорта не увенчалась успехом, но эта ошибочная установка отразилась на его методологии исследования штандорта капиталистического хозяйства. Стремление Вебера к созданию универсальной теории не могло не отразиться на методологии его исследования, как и на его теории, если последнюю даже рассматривать, как теорию штандорта капиталистической промышленности. Логическим следствием погони за универсальной теорией является чисто натуралистический подход Вебера к проблеме штандорта; штандортные факторы анализируются Вебером не в социально-экономическом, а в натуралистическом, материально-техническом аспекте. Результатом подобного подхода неизбежно было, что целый ряд существующих факторов, определяющих размещение промышленности при капитализме, остались недоступными его исследованию, а с другой стороны, он не мог скрыть действительную суть анализируемых им факторов.

Вебер разделяет все штандортные факторы на две группы: „Природно-технические и социально-культурные“ *). Предметом „чистой“ теории, по его мнению, может быть только первая группа — материально-технические факторы — поскольку последние совершенно независимы от социальных условий. Не приходится доказывать, что в данном случае подобное недиалектическое, метафизическое разделение чисто материальных от чисто социальных штандортных факторов не выдерживает критики. Нет таких природно-технических факторов, определяющих географическое размещение промышленности, которые были бы независимы от социальных условий. Выше уже указывалось, что материально-технические факторы обязательно должны получить соответствующее экономическое выражение, дабы они могли определять штандорт. С этой точки зрения все факторы „социальные“, и Вебер совершает грубейшую методологическую ошибку, исключая из анализа всю вторую группу „социально-культурных“ штандортных факторов**). Вебер, например, исключает из анализа влияние высоты нормы ссудного процента на штандорт, на том основании, что высота ссудного процента определяется общественными условиями. Это не только совершенно не

*) A. Weber l. c. s. 20; русск. пер. стр. 20.

**) A. Weber l. c. s. 19-21; русск. пер. стр. 20.

убедительно, но это характеризует непоследовательность Вебера. Различная стоимость сырья в различных месторождениях также определяется социальными условиями (напр. различной высотой ренты и т. п.). Вебер причисляет рабочую ориентацию к первой группе штандортных факторов (природно-технических, независимых от социальных условий); но ведь локальное различие в высоте заработной платы не определяется материально-техническими условиями, независимыми от социальной среды; именно исключительно последней определяются различия в уровне заработной платы. Причины, вызывающие локальные различия в уровне заработной платы, принципиально ничем не отличаются от причин локальных различий в уровне ссудного процента. Последовательное проведение классификации Вебера должно было привести его к исключению из сферы анализа также и рабочей ориентации и аггломерации.

Но натуралистический подход Вебера приводит не только к ошибочному игнорированию ряда экономических условий штандорта капиталистической промышленности, но и к ошибочному игнорированию социально-экономического аспекта при анализе „материально-технических“ штандортных факторов. Поскольку последние могут воздействовать на штандорт, только получив известное экономическое выражение, одни и те же материально-технические факторы, получая неодинаковое экономическое выражение в различных социальных формациях, по-разному влияют на географическое размещение промышленности в различные исторические периоды. Аггломерация, например, имеет место как при капитализме, так и при социализме. Но аггломерация по иному будет влиять на размещение при социализме, поскольку частно-капиталистическая и общественная выгода от аггломерации совершенно различны.

Факторы транспортной ориентации рассматриваются Вебером исключительно в натуралистических показателях; он старается всячески избегать стоимостных величин — стоимости перевозок, стоимости сырья и т. п. Но ведь выбор между потребительской и материальной ориентацией определяется ничем иным, как соотношением стоимости перевозок материалов и готового продукта; материальный индекс должен выражать отношение стоимости перевозки материалов к стоимости перевозки единицы готовой продукции; со стороны штандортной фигуры должны быть пропорциональны стоимости перевозок на расстояние между штандортными пунктами. Подмена же Вебером всех этих экономических показателей натуралистическими (весом и расстоянием) методологически неверна и приводит к ошибочным выводам. Так, именно потому, что он оперирует только категориями веса и расстояния, он приходит к утверждению, что общее и равномерное изменение стоимости перевозок (тарифов) не может вызвать изменение как штандортной фигуры, так и самого штандорта *). Но это положение неверно, ибо, напр., понижение стоимости перевозок может вызвать переход от одних месторождений сырья к другим, более отдаленным, но с более низкой стоимостью добычи: уменьшение стоимости перевозок должно вызвать увеличение конкурентоспособности месторождений с относительно более низкой стоимостью добычи **).

Следовательно, в результате уменьшения стоимости перевозок существенно изменяется и вся штандортная фигура и сам штандорт. Той же самой причине неверно и другое утверждение Вебера, что диф-

*) A. Weber l. c. s. 78; русск. пер. стр. 52.

**) O. Engländer. Kritisches und positives zu einer allgemeinen reinen Lehre vom Standort. Zeitschrift und Sozialpolitik. 1926 — Bd. V H. 7-9 и его же Theorie des Güterverkehrs- und Frachtsätze Jena. 1924.

Дифференциальное построение тарифов не влияет на штандортную фигуру и, следовательно, на географическое размещение промышленности*) Дифференциальное построение оказывает существенное влияние на размещение, ибо в результате дифференциальных тарифов увеличивается конкурентоспособность более отдаленных месторождений сырья с относительно низкой стоимостью последнего. Именно под влиянием дифференциальных тарифов совершенно искажается оптимальное географическое размещение производства.

Чрезвычайно характерно для натуралистического подхода Вебера и то, что он степень аггломерации измеряет весовой суммой продукции аггломерированного производства**). Но ведь аггломерация есть нечто иное, как пространственная концентрация производства. Что это дало бы экономисту, если бы он измерял степень концентрации производства по физической массе продукции, приходящейся на заведение. Для этой цели необходимы известные экономические показатели — размер капитала, стоимость продукции и т. п.; но во всяком случае, нельзя получить представление о степени концентрации производства или аггломерации на основании сравнения физических масс продукции, ибо эта последняя ни в коей мере не выражает экономическую мощь, размер заведения, а потому неверен и ряд выводов Вебера относительно притяжения той или иной ступени аггломерации и влияния их на размещение.

Можно было бы увеличить число иллюстраций натурализма Вебера, но для нас важно лишь подчеркнуть, что характерный для Вебера анализ проблемы штандорта в материально-техническом, натуралистическом аспекте не является случайным, а является логическим следствием стремления создать универсальную теорию штандорта. Ведь, если действительно по Веберу штандортные факторы одни и те же для всех социально-исторических систем и если с изменением общественной системы изменяется не содержание, а только форма проявления штандортных факторов, то с точки зрения „чистой“ теории необходимо абстрагироваться от этой социально-исторической „формы“ и анализировать штандортные факторы исключительно в натуралистическом, материально-техническом аспекте.

Поэтому, нельзя согласиться с мнением В. Зомбарта, что стремление Вебера к универсальной теории несколько не отразилось на правильности его теории штандорта применительно к капитализму, также как не повлияло, по мнению Зомбарта, стремление классиков к универсализму на их объяснение капиталистического хозяйства. Действительно, также само, как оперирование надисторическими категориями лишило классиков возможности понять капиталистическое хозяйство, ибо фетишистская, материально-техническая оболочка заслоняла им социальную сущность категорий — также само „универсализм“ Вебера лишил его возможности построить полную теорию штандорта капиталистической промышленности, в результате его стараний всячески изгнать все „социальное“ из экономической теории штандорта.

Действительно, попробуем рассмотреть теорию Вебера, как теорию географического размещения только капиталистической промышленности. С этой точки зрения в корне неверны положения Вебера, что размещение капиталистического производства определяется исключительно величиной издержек производства и что оптимальным пунктом построения предприятия, с точки зрения капиталиста, является пункт с наи-

*) A. Weber l. c. 78 - 79.

**) A. Weber l. c. s. 133 и след.; русск. пер. стр. 95.

меньшими издержками производства. В этом неверном положении скрывается тесная связь между „чистой“ теорией штандорта и так. наз. „универсальным экономическим принципом“. Слишком тривиальной является истина, что капиталистическое производство не является производством ради производства с наименьшими затратами, а производством исключительно ради прибыли. Решающим для капиталиста при выборе места для предприятия является не относительная величина издержек производства, а относительная величина прибыли. Натуралистический же подход Вебера привел его к игнорированию этой специфической сущности капиталистического производства.

Пожалуй, Вебер сам признает, что установление местонахождения капиталистического предприятия определяется прибылью, но не придает этому никакого значения, т. к. полагает, что величина прибыли определяется исключительно величиной издержек производства. Но при данной рыночной цене относительная величина издержек производства непосредственно определяет только лишь массу прибыли, реализуемой капиталистом с единицы товара. Но ведь капиталиста интересует не столько масса прибыли, сколько норма прибыли. Величина же последней определяется не только разницей между рыночной ценой и издержками производства, но и другими факторами, например, сравнительной величиной затрат капитала на единицу продукции и скоростью оборота капитала *).

Но изменяется ли величина затрат капитала на единицу продукции, а также и скорость оборота капитала, в зависимости от локальных условий и являются ли, следовательно, указанные факторы региональными факторами?

Если мы обратимся к конкретной действительности, то мы несомненно убедимся, что в различных странах, как и в различных районах одной и той же страны, величина затрат капитала на единицу продукции и скорость оборота капитала не одинаковы. Сама по себе ссылка на действительность еще не является доказательством необходимости привлечения указанных факторов в анализ. Разрешить поставленный вопрос можно будет по рассмотрении следующей методологической посылки Вебера.

Вебер допускает, что техника производства, уровень технического прогресса должны быть одинаковыми во всех географических пунктах. Мы не можем согласиться с этой предпосылкой. Степень технического прогресса в капиталистическом обществе зависит от ряда экономических моментов. Например, общеизвестно, что степень механизации, степень вытеснения живого труда мертвым при капитализме находится в тесной зависимости от уровня заработной платы. Вместе с тем Вебер допускает локальные различия в экономических факторах, определяющих степень технического прогресса. Национальное различие

*) Норма прибыли, конечно, определяется также высотой органического состава капитала. Но поскольку мы вслед за Вебером исходим из чистого абстрактного капиталистического общества и поскольку цена производства принимается уже данной и единой, то отклонение индивидуальной нормы прибыли от средней нормы прибыли может определяться только тремя указанными факторами: величиной индивидуальных издержек производства, скоростью оборота капитала и величиной затрат капитала на единицу продукции. Высота органического состава капитала, след., при данных предпосылках, исключается из анализа.

Конечно, в реальном капитализме, в котором фактически нет полного уравнивания нормы прибыли и нет единой цены производств, высота органического состава капитала может оказать существенное влияние на географическое размещение промышленности (См. И. К. Дашковский „К вопросу о регулировании и размещении промышленного строительства“. „Хозяйство Украины“ 1927, кн. 2, стр. 26).

в уровне зарплаты является основной причиной различного уровня развития промышленной техники в различных странах. Широкое распространение механизации в американской промышленности именно и объясняется относительно более высокой заработной платой в Америке. Даже в пределах одной страны, в различных районах в зависимости от уровня заработной платы наблюдается различная степень применения машин; это, напр., можно проверить путем сопоставления относительного количества применяемых сельско-хозяйственных машин и уровня заработной платы сельско-хозяйственных рабочих по отдельным губерниям и районам в дореволюционной России.

Уровень техники, система и организация ее зависят не только от уровня заработной платы, но также и от высоты стоимости материалов и сырья. Чем выше стоимость сырья и материалов, тем больше стимулов у капиталиста к повышению техники с целью более бережного расходования сырья и материалов. Если, напр., рассмотреть оборудование котельных и топочных установок в промышленных предприятиях по отдельным районам нашей страны, то мы заметим следующую закономерность. Чем дальше находятся промышленные предприятия, работающие на донецком топливе, от Донецкого бассейна, тем лучше у них оборудование, тем больше процент применяемых перенагревателей, экономайзеров, тем более совершенна система топок.*) И это вполне понятно, ибо чем выше стоимость донецкого угля на месте его потребления, тем больше стремление улучшить оборудование с целью уменьшения расходов угля. В районах добычи угля, при относительной дешевизне последнего, существуют наиболее варварские способы сжигания топлива, ибо часто даже экономически просто нецелесообразно затрачивать средства на дорогостоящее оборудование для экономии малоценного в этом районе топлива.

Поскольку Вебер в своей работе исходит из локальных различий в стоимости материалов и рабочей силы, то методологически неверно допускать повсеместное распространение одной и той же техники одинаковой технической системы производства. Мы указывали влияние стоимости материалов и рабочей силы на локальное различие в уровне техники. Но эти различия определяются и другими экономическими факторами. Оптимальная техника и оптимальная техническая система не является данной, а зависит от соответствующих экономических факторов. Это обстоятельство может иметь большое практическое значение и об этом можно судить хотя бы потому, что в теории сельско-хозяйственного штандорта до сих пор, в сущности, только и исследовали оптимальную техническую систему сельского хозяйства в зависимости от локальных экономических (рыночных) условий. Теория сельско-хозяйственного штандорта вовсе уж не отделена китайской стеной от теории штандорта промышленности, а вместе с тем Вебер принимает за данное как раз то, что Тюнен считал искомым. Это, опять таки, объясняется отказом Вебера от анализа штандортных факторов в социально-экономическом аспекте.

Признавая неизбежность различий в технике и технической организации одной и той же отрасли производства, в зависимости от локальных и экономических условий, мы должны будем признать локальные различия и в величине затрат капитала на единицу продукции. С другой стороны, техника производства и характер организации последнего должны определить и структуру капитала в смысле соотношения между основным и оборотным капиталом. Повышение органическо-

*) См., напр., „Материалы к характеристике топливного хозяйства промышленных заведений СССР“, под редакцией Н. С. Трифонова, Харьков „Уголь и Железо“.

го состава капитала, напริม., в результате механизации, означает вместе с тем вытеснение известной части оборотного капитала основным капиталом; увеличение стоимости сырья, если оно вызывает введение добавочного оборудования, опять таки, означает относительное увеличение основного капитала. Да, наконец, если даже рассматривать технически однородные (в смысле уровня техники) предприятия, но которые потребляют сырье и материалы, хоть и одного рода, но различной стоимости (в силу различных транспортных расходов) или неодинаково оплачивают рабсилу, то это, опять таки, означает, что в этих предприятиях должна быть неодинаковая структура капитала. При прочих же равных условиях скорость оборота капиталов определяется соотношением между основным и оборотным капиталом.

Но скорость оборота капитала также определяется и продолжительностью производственного периода, что в свою очередь зависит от технической организации производства. Наконец, скорость оборота капитала зависит от быстроты реализации произведенной продукции. Поскольку географическое распределение потребителей (как личных, так и производственных) не равномерно, величина их покупательной способности (спроса) также не одинакова, то в зависимости от указанных и некоторых других факторов продолжительность срока реализации продукции в различных географических пунктах должна быть неодинаковой, следовательно, неодинакова и скорость оборота капитала, а при прочих равных условиях — норма прибыли. Медленное развитие капиталистической промышленности на окраинах, в районах с малой плотностью населения и с низкой покупательной способностью, стремление промышленных предприятий к центру — в значительной степени объясняется именно локальными различиями скорости оборота капитала. Стремление промышленности к аггломерации имеет своей основой не только стремление к снижению издержек производства, но и стремление увеличить путем аггломерации скорость оборота капитала. Кстати заметим, что для капиталиста выгода от аггломерации промышленности заключается не только, и возможно даже, не столько в снижении издержек производства, сколько в уменьшении, благодаря аггломерации, необходимых затрат капитала на единицу продукции.

Нам могут возразить, что совершенно излишне вводить в анализ при исследовании штандорта скорость оборота капитала и величину затрат капитала, ибо и то и другое капиталист учитывает в издержках производства путем процентирования капитала. Но, во-первых, процентируя капитал, возможно только *частично* учесть влияние различной скорости оборота капитала на высоту нормы прибыли. Во-вторых, издержки по оплате процентов на капитал, как и издержки по амортизации Вебером исключаются из анализа при исследовании штандортных факторов.*)

Забегая несколько вперед, необходимо отметить, что различия в скорости оборота капитала и в величине затрат капитала должны иметь

*) A Weber l. c. s. 30 u 20. русск. пер. стр. 21 При известных методологических предпосылках о содержании чистой теории штандорта можно было бы еще согласиться с ним относительно того, что он не принимает во внимание локальных различий в высоте ссудного процента; действительно, в теоретически мыслимом абстрактном капиталистическом обществе, при условии полной свободы перелива капитала, норма ссудного процента повсеместно должна быть одинакова. Мы этот вопрос в данном месте оставляем без рассмотрения (см. и. к. Дашковского ук. статью в Хоз-ве Укр., а также Hans'a Ritschl'a „Reine und historisdahe Dymnik des Standortes der Erzeugungszweige“. Schmollers Iahrbouch 1927 n 6). Но даже при условии равной нормы ссудного процента, при наличии неодинаковой скорости оборотного капитала и не одинаковой величины затрат капитала на единицу продукции — величина издержек по оплате процентов на капитал будет различной.

особое значение в условиях нашего хозяйства, ибо в наших условиях категория ссудного процента совершенно не соответствует природе нашего хозяйства, ибо ссудный процент превращается в чисто фиктивную величину и с помощью его не представляется возможным даже частично учесть влияние указанных факторов на экономический эффект, получаемый от предприятий в зависимости от того или иного места расположения. В условиях нашего хозяйства приходится учитывать эти факторы непосредственным путем. Так, напр., некоторые виды местного топлива, при более низких издержках производства, сравнительно с донецким топливом, требуют относительно больших затрат капитала на единицу теплотворной способности. Поэтому на 1-й Всесоюзной Топливной Конференции, при рассмотрении вопроса о географическом размещении топливопотребления, вполне правильно учитывался как тот, так и другой экономический показатель.*)

Погоня за универсальной теорией, а вследствие этого, материально-технический подход к штандортам — все это привело к игнорированию Вебером указанных, как и ряда других, экономических факторов, влияющих на географическое размещение капиталистической промышленности.

Вебер в своем анализе всегда исходит при построении штандортной фигуры из предпосылки, что существует только один материальный склад или одно месторождение материала данного рода и что местонахождение его является данным. Аналогичным образом он поступает и с пунктами потребления: он всегда исходит из одного пункта потребления, местонахождение которого также принимается им как данное.

Фактически, географическое размещение добывающей промышленности и сельского хозяйства (Materiallager) также как и размещение в пространстве потребления (как и рабочей силы) не является данным, ибо само размещение обрабатывающей промышленности в значительной мере определяет как географию добывающей промышленности, так и размещение потребления. В действительности между размещением добывающей и обрабатывающей промышленности, сельским хозяйством и потреблением имеется тесная взаимозависимость и взаимообусловленность. Известно, напр., как значительно влияет размещение промышленности на размещение сельского хозяйства; изменение же структуры и системы сельского хозяйства вызывает соответствующие изменения и в территориальном распределении потребления (спроса) и рабочей силы, что в свою очередь влияет на размещение обрабатывающей промышленности. Именно указанная взаимозависимость между размещением отдельных отраслей хозяйства должна быть предметом синтетической народно-хозяйственной (или как ее называют в буржуазной литературе «динамической») теории штандорта. Вместе с тем методологически вполне допустимо на известной стадии анализа абстрагироваться от этой усложняющей анализ взаимозависимости между размещением отдельных экономических факторов и допустить, как это делает Вебер, что размещение потребления, сельского хозяйства и добывающей промышленности является данным. Но, принимая существующее размещение потребления и добывающей промышленности (и сельского хозяйства) как данное, мы все же должны разрешить вопрос о том, на основании каких принципов и каким образом должен происходить выбор из данных пунктов потребления и данных материальных складов оптимального пункта потребления и оптимального материального склада.

*) См. Материалы 1-й Всес. Топлив. Конференции. Ю. Флаксерман. К решению проблемы топливоснабжения. Л. К. Рамзин. Рациональное направление топливного хозяйства СССР.

Ошибка Вебера состоит в том, что при построении штандортной фигуры он всегда исходит из предпосылки, что имеется только один „склад“ сырья данного рода и что имеется только единственный пункт потребления. Можно принимать за данное существующее размещение производительных сил, но ведь дано не только одно месторождение материала известного рода — добыча последнего сосредоточена в нескольких пунктах так же, как имеется не один, а целый ряд пунктов потребления. На основании каких принципов происходит выбор из этого ряда пунктов потребления и ряда пунктов добычи сырья — оптимального пункта, который должен лечь в основу построения штандортной фигуры? Вебер не только не дает ответа на этот вопрос, но перед ним даже не встает, эта проблема, ибо в результате его натуралистического подхода размещение добывающей промышленности определяется, будто бы, только природными факторами: нужно, мол, только „выкопать“, „извлечь“ то, что дано самой природой.*) Природа сама по себе, непосредственно не определяет размещение добывающей промышленности, она лишь создает известные предпосылки для него, лишь органичивает те пункты, в которых вообще возможно нахождение предприятий добывающей промышленности. И лишь экономические условия определяют, в каких из числа природой данных месторождений будет фактически находиться добывающая промышленность и каково должно быть оптимальное количественное соотношение добычи отдельных месторождений.**)

А в зависимости от того, какой пункт, какое месторождение будет положено в основу штандортной фигуры, изменится не только сама штандортная фигура, но и самый штандорт. Кстати заметим, что далеко не всегда ближайший пункт залегания сырья (Materiallager) является, вместе с тем, экономически оптимальным. Подмосковный бассейн находится от Москвы на гораздо более близком расстоянии сравнительно с Донецким, но до сих пор считалось экономически более выгодным потреблять в Москве донецкий, а не подмосковный уголь.

Нужно отметить, что отказ Вебера от анализа проблемы выбора оптимального пункта потребления и оптимального месторождения сырья противоречит его же методологическим предпосылкам анализа рабочей ориентации.***) Вебер также принимает в качестве данного существующее географическое размещение рабочей силы и пунктов с различной высотой рабочих издержек, но вместе с тем он считает для себя обязательным анализ проблемы экономического выбора оптимального „рабочего“ пункта. Совершенно аналогичным образом должна быть поставлена проблема выбора пункта потребления и местонахождения сырья, ибо штандорт обрабатывающей промышленности находится в тесной зависимости от того, примем ли мы один или несколько пунктов потребления (или местонахождений сырья известного рода) или примем тот, а не другой пункт потребления, или одно месторождение вместо другого.

Выше указывался ряд пробелов теории штандорта Вебера. Но дело не в том, что Вебер что-то упустил, что его теория кое-чем недостаточно полна. Для нас констатация указанных пробелов важна именно потому, что эти пробелы и „пропуски“ не являются случайными, а органически вытекают из методологических основ теории Вебера, из его стремления к универсальной теории штандорта, из его натуралистического подхода к анализу штандортных факторов, т. е. из анализа не социально-

*) A Weber l. c. S. 36—37, 210—212; русс. пер. 15—16.

**) См. нашу статью „К вопросу о принципах географического размещения каменноугольной промышленности“. „Социалистическое хозяйство“ 1929 г. кн. 6-я.

***) Engländer. Kritisches und Positives et cfr. 5.457.

экономического содержания последний, а их фетишистской материально-технической оболочки.

Наконец, необходимо отметить еще один момент. У Вебера наблюдается большая путаница относительно взаимоотношений и содержания чистой и реалистической теории штандорта. Уже указывалось на невозможность построения какой-то универсальной теории наряду с теорией штандорта для капитализма; по этой линии, следовательно, не может идти разграничение чистой теории от реалистической (тем более, что первая у Вебера содержит ряд элементов капиталистического хозяйства). Быть может, объектом чистой теории должно явиться — абстрактное капиталистическое общество, в котором рыночные цены совпадают со стоимостью (с ценой производства), происходит совершенно свободный перелив капитала и т. п.? Задача же реалистической теории должна была бы тогда состоять в анализе географического размещения промышленности в реальном капиталистическом обществе; реалистическая теория тогда должна усложнить анализ, учитывая и локальное различие в норме ссудного процента и в норме прибыли, как результат отсутствия в действительности полной свободы перелива капитала; поэтому должно быть проанализировано влияние различной высоты органического состава капитала, различных взаимоотношений между торговым и промышленным капиталом, приводящих к различной высоте торговой накладки и т. п. *) Наконец, должно было бы быть исследовано влияние экономической политики — таможенных пошлин, налогов и т. п. Но и этому не соответствует разграничение, проводимое Вебером между чистой и реалистической теорией.

Рабочая ориентация принимается Вебером в качестве объекта чистой теории; но ведь локальное различие в уровне заработной платы присуще только конкретному капитализму, как следствие имеющихся в нем ограничений и препятствий свободному переливу и перемещению рабочей силы. Сам Вебер, развивая в другой своей работе более подробно задачи реалистической теории, ограничивает их исключительно объяснением существующего географического размещения рабочей силы, пунктов потребления (возникновения городов), добывающей промышленности и сельского хозяйства, — географическое размещение в которых в чистой теории принималось в качестве данного. **) Из приведенного явствует, насколько противоречиво и неясно проводимое Вебером разграничение чистой теории от реалистической. Нам же представляется, что вообще нет никакой необходимости конструировать две теории: „чистую“ и „реалистическую“. Объектом теории штандорта должен явиться реальный капитализм, ибо если абстрагироваться от всех условий реального капитализма и исследовать чистое, абстрактное капиталистическое общество, то на базе последнего нельзя будет построить теорию штандорта, т. к. нельзя будет вывести ничего, кроме чрезвычайно плоских обобщений в связи с транспортной ориентацией.

*) Нам представляется ошибочным вообще игнорирование Вебером издержек обращения. Географическое размещение промышленности определяется как локальными различиями издержек производства, так и различиями в издержках обращения. Для некоторых отраслей промышленности последним принадлежит решающая роль. Так, наприм., ряд исследователей указывают, что в отношении текстильной промышленности, в силу чрезвычайно разнообразного ассортимента, издержки обращения оказывают нередко решающее влияние на штандорт.

**) A. Weber, Industrielle Standortlehre. Grundriss der Sozialökonomik. Tübingen 1923 Abt. VI S. 78—79.

* * *

Принципы географического размещения промышленности в социалистическом хозяйстве существенно отличаются от принципов размещения капиталистической промышленности. *) Прежде всего, в наших условиях рентабельность, конечно, не может быть руководящим принципом географического размещения производства. Критерием рациональности географического размещения производства в социалистическом хозяйстве является влияние размещения на рост производительных сил; при социализме оптимальное территориальное распределение производительных сил имеет своей целью максимальное развитие последних. Экономический эффект в нашем хозяйстве, конечно, не может определяться степенью рентабельности. В нашем хозяйстве величина издержек производства и их уменьшение является лишь одним из моментов (но ни в коем случае не единственным), определяющих величину экономического эффекта при том или ином географическом размещении производства. Развитие производительных сил, путем рационализации штандарта не должно обязательно выражаться в снижении издержек производства. Повышение народно-хозяйственного эффекта может быть достигнуто не только путем снижения издержек производства. Индустриализация окраин, отсталых национальностей в нашем хозяйстве существеннейшим образом влияет на развитие производительных сил. Политика индустриализации окраин, как и вообще стремление к более равномерному распределению промышленности и сельского хозяйства, являясь одним из факторов, определяющих штандорт в условиях переходного периода. Но эффект от такого территориального перераспределения производства может и не выразиться в снижении транспортных или других издержек производства. Только не понимающие природу нашего хозяйства могут оценивать степень эффективности подобных сдвигов в размещении нашего производства исключительно на основании издержек производства.

Поскольку в нашем хозяйстве издержки производства являются лишь одним из факторов, определяющих штандорт производства, постольку теория штандорта Вебера может иметь весьма ограниченное значение для нас, ибо теория Вебера может объяснить только зависимость величины издержек производства от того или иного размещения промышленности. Но даже и в этой части теорию Вебера нельзя механически переносить и применять в условиях нашего хозяйства. Ведь, прежде всего, Вебер устанавливает зависимость между штандортом и частью хозяйственными издержками, а не действительными издержками, народно-хозяйственными издержками. Это очень существенное обстоятельство. Вопросы транспортной ориентации наиболее полно исследованы Вебером, и именно эта часть почти полностью может быть использована при определении пунктов с минимальными транспортными издержками и для нашей промышленности. Но поскольку мы подходим к разрешению этой проблемы с общественной точки зрения, исключается возможность построения штандортной фигуры на основе действующих тарифов, ибо последние выражают не действительные, а частью-хозяйственные издержки перевозок. В основу исследования могут быть положены только фактические издержки по транспортированию.

Ведь, прежде всего, ряд штандортных факторов, исследованных Вебером и имеющих, по его мнению, „универсальный характер“, испыты-

*) Нужно только удивляться классовой ограниченности кругозора буржуазного экономиста, который хоть и признает исторический характер штандортных факторов и совсем особый характер размещения производства в различных в прошлом социальных формациях, но все же боится признать особый характер размещения производства при социализме, сравнительно с капитализмом. О. Engländer. Kritisches und Positives S. 494.

вают в нашем хозяйстве существенную трансформацию. Наиболее коренную трансформацию испытывает рабочая ориентация. Капиталистическое производство в погоне за более высокой нормой прибыли старалось уменьшить частно-хозяйственные издержки путем перемещения производства в районы с более дешевой рабочей силой и, следовательно, с более высокой нормой эксплуатации. Но действительные издержки народного хозяйства не находятся в зависимости от высоты заработной платы: перемещение производства в районы дешевой рабочей силы (рабочая ориентация) вовсе не приводит к уменьшению действительных издержек производства. Поэтому в условиях советского хозяйства не может происходить размещение промышленности под углом зрения локальных различий в уровне заработной платы, под углом зрения „рабочей ориентации“, так, как понимал последнюю Вебер. Не говоря уже о том, что географические различия в высоте заработной платы вообще могут быть у нас очень небольшими, ибо основной фактор, определяющий это различие при капитализме — локальное различие соотношений между спросом и предложением рабочей силы — в наших условиях не определяет уровня заработной платы.

Но при капитализме локальные различия в уровне заработной платы определялись не только различным соотношением спроса и предложения рабочей силы, но также локальными различиями в величине стоимости рабочей силы, поскольку присущее капитализму географическое различие (и даже противоречие) в социально-культурном уровне рабочего определяло различный, в зависимости от района, социально-культурный прожиточный минимум рабочего. Эти же самые неизбежные при капитализме противоречия в социально-культурном росте отдельных районов определяли также географические различия в уровне интенсивности и производительности труда (в той мере, в какой последняя зависит от самого рабочего). Отчасти географическое различие стоимости рабочей силы определялось при капитализме также географическими различиями стоимости средств существования рабочего. Имеют ли указанные факторы, влияние на размещение нашей промышленности?

В нашем хозяйстве на первых порах сохраняются различия в социально-культурном уровне отдельных районов, но эти различия являются исключительно результатом неизжитого пока еще капиталистического наследия, и задачей социалистического строительства как раз является их полное уничтожение во что бы то ни стало*). У нас происходит рост производства в отсталых районах отнюдь не вследствие стремления использовать „дешевую“ рабочую силу этих районов, и это ничего общего не имеет с рабочей ориентацией. Локальные различия в стоимости средств существования рабочего, зависящие от природных факторов, конечно, сохраняются и в нашем хозяйстве, но в качестве регионального фактора это, конечно, не может иметь сколько нибудь серьезного значения**).

Вышеизложенное приводит нас к убеждению, что рабочая ориентация, поскольку под ней понимать стремление уменьшить издержки по

*) См. Ф. Энгельс — „Анти — Дюринг“. М. 1922 г., стр. 168.

**) В первые годы нэпа у нас получило широкое распространение мнение о больших, будто бы, географических различиях в стоимости жилищного строительства, а потому и больших различиях в „рабочих издержках“. Эта иллюзия явилась результатом наличия в некоторых городах (напр. Ленинграде) свободного жилищного фонда. Но в настоящее время, когда жилища приходится строить повсюду и в равной мере при новом промышленном строительстве, это уже не имеет значения, ибо географические различия в стоимости самих жилищ (стоимость стройматериалов и т. д.) не так уж велики.

оплате рабочей силы (а не действительные издержки), не должна играть никакой роли при географическом размещении нашей промышленности *).

Для отдельного капиталиста „рабочая ориентация“ была только средством уменьшения его частно-хозяйственных издержек по оплате рабочей силы. Об'ективное же значение рабочей ориентации заключалось в том, что посредством ее, благодаря локальным различиям в уровне заработной платы, при капитализме стихийно создавалось равновесие в районном масштабе между воспроизводством рабочей силы и соответствующей потребностью капиталистического производства. Но при капитализме это равновесие достигалось путем стихийного приближения, передвижения производства в районы с избыточной рабочей силой и, следовательно, с низкой заработной платой. Буржуазные экономисты вывели даже на основании этого „закон“, согласно которому производство обладает большей подвижностью, большей способностью к передвижению, чем население.

Географические различия в уровне заработной платы, а отсюда и различия в норме прибыли, стимулировали перемещение в огромных масштабах капитала, а следовательно и производства. Рабочая сила при капитализме обладала *относительно* меньшей способностью к перемещению, хотя вообще при капитализме впервые происходит миграция населения в подобных масштабах. Частная собственность, связь с землей значительной части новых, впервые вовлекаемых в производство рабочих, противоречия капитализма, мешающие полной пролетаризации сельского населения, противоречия в социально-культурном развитии отдельных районов, противоречия между городом и деревней и, наконец, национальная политика — все это создавало препятствия и ставило пределы передвижению рабочей силы при капитализме.

В условиях социалистического хозяйства создаются иные предпосылки и иные возможности для регулирования в пределах отдельных районов соотношения между потребностью промышленности в рабочей силе и воспроизводством последней. И в наших условиях, конечно, сохраняются локальные различия в плотности населения и имеются районы с избыточной рабочей силой наряду с районами, испытывающими недостаток в последней. Но в нашем хозяйстве возможно достижение требуемого равновесия не только путем перемещения производства в районы с избыточной рабочей силой. Плановое хозяйство создает широкие возможности планового перемещения самой рабочей силы, сознательного регулирования ее пространственного распределения; причем это перемещение возможно в социалистическом хозяйстве в совсем иных сравнительно с капитализмом масштабах. Ведь все таки перемещение производства по направлению к рабочей силе более соответствовало частно-хозяйственным интересам, ибо перемещение рабочей силы к производству при капитализме означало известное повышение заработной платы, увеличение частно-хозяйственных издержек производства, а потому вступало в противоречие с интересами капиталиста. В социалистическом хозяйстве все эти противоречия и препятствия в планировании географического распределения рабочей силы сходят на нет. Плановое строительство новых социалистических городов вокруг нового промышленного строительства является лучшей иллю-

*) Мы отвлекаемся от существующего пока у нас известного противоречия между издержками производства, исчисляемыми на основе хозрасчета единичным предприятием, и действительными народно-хозяйственными издержками. Во-первых, в тенденции это противоречие должно быть изжито: во-вторых, все же размещение нашей промышленности даже сейчас не может и не должно происходить на основании издержек производства индивидуального предприятия.

страдией возможности регулирования в нашем хозяйстве территориального распределения рабочей силы совсем иными способами, чем при капитализме.

В нашем хозяйстве как раз в сфере регулирования воспроизводства и распределения рабочей силы происходит вытеснение стихийного начала; стихийное регулирование законом стоимости заменяется плановым регулированием, а это должно означать неизбежный процесс дефетишизации общественных отношений в этой сфере. Вот почему локальные различия стоимостных показателей (высоты заработной платы) не могут в наших условиях определять перемещение рабочей силы; последняя должна иметь место на основании непосредственного учета *in natura*, с одной стороны, районных ресурсов свободной рабочей силы, а с другой стороны — районной потребности в ней.

Все вышесказанное говорит о весьма и весьма существенной трансформации в нашем хозяйстве „рабочей ориентации“ и о совсем иной роли ее у нас сравнительно с капитализмом.

Но означает ли это, что в нашем хозяйстве вообще принципиально не может иметь место рабочая ориентация в географическом размещении производства, т. е., что вышесказанное совершенно исключает возможность и необходимость перемещения производства по направлению к месту нахождения рабочей силы? Нам представляется ошибочным утверждение некоторых товарищей, что перемещение производства в районы свободной рабочей силы („рабочая ориентация“) присуще вообще исключительно капитализму и что оно противоречит природе планового хозяйства *).

Подобное мнение является известным перегибом, реакцией на действительно неправильную политику, осуществляющуюся до последнего времени при размещении ряда объектов, главным образом, легкой промышленности, когда их местонахождение (напр. в текстильной промышленности в ЦПР) обосновывали исключительно рабочей ориентацией.

В действительности же и у нас возможны случаи перемещения производства к рабочей силе. Во первых, по причине наличия районов с избыточной рабочей силой, но которая (рабочая сила) не может быть перемещена в другие районы, ибо связана с данным районом, как бы прикреплена к нему. Например, когда избыток рабочей силы носит сезонный характер, как это было до сих пор в сельском хозяйстве. Несомненно, что интересы общества требуют наиболее полного использования подобных ресурсов рабочей силы, а это возможно лишь путем перемещения в такие районы соответствующих отраслей производства. Во-вторых, в отдельных случаях перемещение производства может потребовать меньше затрат, чем перемещение рабочей силы. Следовательно, перемещение производства в районы с избыточной рабочей силой принципиально возможно и у нас, и это вовсе не означает „полный отказ и бессилие в деле планирования рабочей силы“, **) но просто практически перемещение производства рабочей силы должно иметь у нас весьма ограниченное значение.

Значительное ослабление у нас влияния рабочей ориентации, в известных случаях даже полная ликвидация ее, должно вызвать усиление значения транспортной ориентации при географическом размещении нашей промышленности. Ведь именно рабочая ориентация являлась при капитализме основным фактором, противодействующим транспортной

*) Раппопорт. „К вопросу о районировании текстильной промышленности“. „Транспорт и Хозяйство“ № 2 за 1930 г. стр. 53.

Такая точка зрения, повидимому, вообще характерна для ряда работников НКПС.

**) Раппопорт, там же.

ориентации и ослабляющим влияние последней. Но усиление в нашем хозяйстве транспортной ориентации при современной технике должно означать для подавляющего числа производств усиление именно материальной ориентации. Обычно забывают, что существенное значение потребительской ориентации при капитализме объяснялось тем, что обычно потребительская ориентация совпадала с рабочей ориентацией (и нередко последнюю принимают за потребительскую ориентацию). С другой стороны, значение материальной ориентации ослаблялось в силу специфического для капитализма построения транспортных тарифов; тарифы, построенные по принципу платежеспособности, увеличивали значение потребительской компоненты за счет ослабления значения материальной; в результате дифференциальных тарифов эта тенденция еще более усиливалась.

Если говорить в частности о нашей стране, то огромность занимаемого ею пространства и специфические естественно-географические условия должны также влиять в сторону усиления транспортной и именно материальной ориентации; да к тому же нужно иметь в виду, что ослабление материальной ориентации, размещение промышленности вдали от сырьевых и топливных баз в дореволюционной России объяснялось также специфической колониальной политикой царского правительства по отношению к основным нашим сырьевым районам (Сибирь, Восток).

Все вышесказанное приводит к заключению, что в нашем хозяйстве должно произойти в достаточно значительных размерах перемещение ряда основных отраслей промышленности в районы местонахождения их сырья и топлива. Собственно еще в апреле 1918 г. В. И. Ленин указывал на необходимость составления плана „рационального размещения промышленности в России с точки зрения близости сырья и возможности наименьшей потери труда при переходе от обработки сырья по всем последовательным стадиям обработки полуфабрикатов вплоть до получения готового продукта“ *).

При разработке плана электрификации комиссия ГОЭЛРО также указывала, что „нельзя не предвидеть, что рационализация нашей промышленности будет сопровождаться значительным географическим перемещением ее по стране, в целях возможного приближения обрабатывающей промышленности к основным источникам сырья и топлива“ **). Но все дело в том, что этот принцип до сих пор не только не получил достаточно радикального осуществления в наших планах, но в ряде случаев размещение нового производства даже находится в полном противоречии с этим принципом.

Поскольку у нас сохраняется значение транспортной ориентации, хотя лишь в той мере, в какой вообще географическое размещение нашей промышленности определяется стремлением сведения к минимуму общественных издержек производства — сохраняется для нас значение конструкций Вебера в этой области, облегчающих практическое разрешение вопроса. Но нужно твердо помнить, что в основу построения штандортной фигуры, как и вообще всех соответствующих расчетов, ни в коем случае не могут быть положены существующие тарифы, поскольку они не отражают действительных издержек транспорта. Но было бы также неправильно заменять тарифы натуралистическими показателями — тоннокилометрами — применяемыми у нас в некоторых конкретных исследованиях штандорта. Транспортная ориентация в наших условиях должна иметь своей целью уменьшение общественных издер-

*) Н. Ленин. набросок плана научно-технич. работ. Собр. соч. т. 22, стр. 434.

**) План электрификации РСФСР. Москва 1920 г. стр. 170.

жек на добычу материала и на перевозку. Размещение производства под углом зрения сведения к минимуму суммы тоннокилометража приводит лишь к уменьшению издержек по транспорту, но может и не привести к уменьшению общественных издержек по производству (транспортные издержки согласно Марксу включаются нами в число издержек производства).

Оказывает ли у нас аггломерация влияние на географическое размещение промышленности?

Нужно сказать, что при капитализме в значительной мере переоценивалось значение аггломерации. Частно-хозяйственная выгода аггломерации заключалась также и в том, что для индивидуального капиталиста в результате аггломерации отпадала необходимость в ряде затрат капитала. Строя свои фабрики и заводы в индустриальных центрах, промышленный капиталист, напр., не должен был вкладывать свои капиталы в жилищное строительство для своих рабочих, он освобождался от необходимости превращения части своего производительного капитала в торговый, он не должен был вкладывать капитал в ряд подсобных предприятий и т. д. Это не значит, что в результате аггломерации отпадала потребность создания жилищного строительства, торгового аппарата и т. п.; но все эти затраты производились не промышленным капиталистом и не данным капиталистом, а другими. Для капиталиста значение аггломерации заключалось не только и не столько в уменьшении реальных издержек производства и реальных затрат капитала, сколько в возможности благодаря аггломерации переложения на других известной части необходимых затрат капитала. Например, одна из существенных причин сосредоточения промышленных предприятий в городах заключается не столько в возможности удешевления самого жилищного строительства (что мало вероятно, напротив, в результате роста земельной ренты стоимость жилищного строительства в городах должна быть более высокой), сколько в том, что в городах промышленный капиталист, как правило, вообще не занимался жилищным строительством для своих рабочих.

Но, с другой стороны, при капитализме в результате капиталистических противоречий и ограниченности частно-хозяйственной точки зрения, не могут быть оценены действительные размеры выгоды, приносимой аггломерацией народному хозяйству. Только в условиях единого планового хозяйства может быть полностью оценена и реализована выгода от аггломерации, заключающаяся прежде всего в весьма значительной экономии на основном капитале, на так назыв. „постоянных“ (К. Бюхер) издержках производства и т. п. Размещение нового промышленного строительства поэтому не может происходить у нас в виде размещения отдельных изолированных заведений. Именно в результате полного и всестороннего учета народно-хозяйственного эффекта аггломерации размещение нового строительства должно происходить в виде географического размещения известных промышленных комплексов, промышленных комбинатов, в которых будут полностью реализованы все технические и экономические преимущества аггломерации. Практика нашего строительства — Днепропетровский комбинат, Подмосковский, Магнитогорское строительство и ряд других — подтверждают правильность вышесказанного, ибо только в такой форме достигается действительно полное развитие производительных сил.

Поэтому совершенно ошибочно утверждение, что аггломерация имеет большое значение только в буржуазно-анархическом обществе *).

*) Раппопорт, там же. Аналогичную точку зрения высказывал С. А. Бессонов в своих выступлениях на Всесоюз. Топл. Конференции.

В нашем хозяйстве, правда, в связи с тем, что генетические моменты вообще не должны иметь определяющего значения при географическом размещении промышленности, должно в значительной мере отпасть значение аггломерации нового промышленного строительства со старыми промышленными предприятиями, расположение которых ныне уже не соответствует природе и условиям нашего хозяйства. Но из этого было бы ошибочно делать вывод о необходимости в нашем хозяйстве размещения неаггломерированных отдельных производственных единиц. Напротив, значение создаваемых в результате аггломерации технических и экономических преимуществ для нашего нового строительства не только не ослабляется, но даже должно усилиться сравнительно с капитализмом.

В нашем хозяйстве тенденция к аггломерации производства не должна означать все же безпредельного роста аггломерационных промышленных центров, приводящего к столь уродливым явлениям при капитализме. В капиталистическом обществе удельный вес и значение дегломерирующих факторов, ставящих известные пределы, ограничивающие размер аггломерации, было сравнительно невелико. Основными дегломерирующими факторами при капитализме являлись: 1) рост земельной ренты и 2) рост заработной платы, как результат роста социально-культурного прожиточного минимума рабочего, поскольку аггломерация производства приводит к пространственной концентрации пролетариата, способствуя повышению его классовой консолидации. В нашем хозяйстве эти дегломерирующие факторы, конечно, отсутствуют, но в нашем хозяйстве выступают иные факторы, ставящие жесткие пределы росту аггломерационных центров.

Капитализм породил невероятные противоречия между городом и деревней, мешающие дальнейшему росту производительных сил. „В городе мы имеем перед собой факт концентрации населения, орудий производства, капитала, наслаждений, потребностей, между тем, как в деревне мы наблюдаем диаметрально противоположный факт изолированности*). Одной из основных задач нашего строительства является уничтожение как раз этого противоречия. Маркс и Энгельс еще в своих ранних работах указывали, что „социалистическое общество наряду с уничтожением классовых интересов должно уничтожить и противоречия между городом и деревней, является одним из первых условий коллективности, условием, которое в свою очередь зависит от массы материальных предпосылок и которое, как всякий видит, сразу же не может быть осуществлено одной только волей“ **). И Энгельс в „Анти-Дюринге“ вновь указывает, что „только общество, способное гармонически приводить в движение свои производительные силы, согласно единому общему плану, в состоянии организовать их так, что будет возможно равномерно распределить крупные промышленные предприятия по всей стране, сближая фабричное производство с сельско-хозяйственным, как это необходимо для развития и сохранения производительных сил... Устранение противоречия между городом и деревней должно совершиться не только в интересах индустриального и земледельческого производства, но также и для установления общественной гигиены... Уничтожение поводов к отделению города от деревни, с точки зрения возможности осуществления равномерного распределения крупной промышленности по всей стране, не может представляться, поэтому, уто-

*) К. Маркс и Ф. Энгельс. О Л. Феембахе. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. М. 1924 г. кн. 1-я стр. 234.

**) К. Маркс и Ф. Энгельс. О Л. Феембахе. Там же.

пией. Цивилизация, конечно, оставила нам в лице крупных городов наследие, покончить с которым будет стоить много времени и усилий. Но с ним необходимо покончить и это будет сделано, хотя бы это был очень продолжительный процесс“ *).

В нашем хозяйстве, следовательно, должен быть социально-экономический оптимум размера городских поселений, обеспечивающий оптимальное сочетание и распределение производительных сил между городом и деревней. Оптимальные размеры городов и являются основным фактором, определяющим предел развития аггломерационных центров в нашем хозяйстве.

Вышеизложенное ни в коей мере нельзя рассматривать, как построение цельной теории размещения промышленности в нашем хозяйстве; ведь, вне нашего рассмотрения остался ряд существеннейших экономических факторов, определяющих географическое размещение нашей промышленности. Да это и не входило в нашу задачу. Мы хотели лишь проследить, как исследованные Вебером основные факторы, определяющие при капитализме „штандорт“ промышленности и принимаемые им за „универсальные“, существенно трансформируются в условиях нашей экономики.

*) Ф. Энгельс. Антидюринг. М. 1922 ст. 166 — 167.

В. П. АКУЛЕНКО

Пути и этапы „перегона“

В 1930-31 году наше народное хозяйство произведет около 8 мил. тонн чугуна или 190% довоенной продукции; в 1932-33 году СССР, производя 17 мил. тонн чугуна, становится по чугуну на первом месте в Европе. Страна авансируется металлом, который является *primus motor*ом всякого типа индустриализации. Металл должен будет принять форму разнообразных машин и конструкций, через систему которых потянет за собой все народное хозяйство. Тем самым с особенной остротой ставится вопрос о типе нашей индустриализации, об этапах технической реконструкции унаследованных производительных сил и проч. В настоящей статье мы даем одну из возможных конструкций.

Конструируя пути и этапы перегона, условимся прежде всего о понятии индустриализации. В общежитии это понятие часто подменяется понятием индустрии, которому противопоставляется понятие прочих отраслей, в частности сельского хозяйства, как его антипод. Иначе говоря, устанавливая понятие индустриализации, часто исходят из признака „что производится“, называя индустриальной страну, производящую не хлеб и мясо, а фабрикаты. Поверхностность подобных выводов видна хотя-бы из того, что в любую из исторических эпох люди производили не только продукты питания, но и жилье, одежду, обувь, орудия производства и проч. Именно поэтому, по Марксу, две общественные системы отличаются друг от друга не тем, „что“ они производят, а тем „как“ они производят.

Идя по признаку „как производится“, мы приходим к выводу, что индустриальный тип общественного хозяйства отличается от всякого иного типа, во-первых, чрезвычайно высоким коэффициентом энерговооруженности труда, при чем в энергетическом балансе страны подавляющую роль играет механическая энергия, а не энергия животного и тем более человека; во-вторых, чрезвычайно высоким коэффициентом машиновооруженности труда, при котором человек в идеале заменяется автоматом, а техническое разделение труда между людьми заменяется механизмованным разделением труда; в-третьих, высоким коэффициентом химизации в широком смысле слова в направлении замены органических и механических процессов химическими, в направлении замены животного и растительного сырья искусственным (модификация одних форм материи в другие), в направлении максимальной утилизации материи вообще и т. д.

Принимая такое понятие индустриализации, можно говорить об индустриализированной промышленности (в противоположность мануфактуре), об индустриализированном сельском хозяйстве („полеводческая и животноводческая промышленность“), об индустриализации транспорта (замена лошади паровозом и автомобилем), об индустриализации

строительства, об индустриализации так называемого домашнего хозяйства и быта вообще (электрические кухни, прачешные и гладильные машины, пылесосы и проч.), об индустриализации искусства и т. д., и т. д. Соответственно с этим между типом сельско-хозяйственного производства С. А. С. Ш. и современной Индии существует не меньшая разница, чем разница между текстильным производством Англии и древнего Египта*).

Но такая широкая механизация и химизация производственных процессов в самых разнообразных отраслях народного хозяйства связана с определенным удлинением орудия производства, с увеличением радиуса „обходного пути производства“. Действительно, замена живой силы ткача автоматическим электрифицированным станком, замена сохи, серпа и цепа, — трактором, дисковым плугом и комбайном, замена волов и телеги железнодорожным и автомобильным транспортом — все это требует чрезвычайно большого удлинения радиуса „обходного пути производства“ за счет таких звеньев как руда, уголь, нефть, металлургия, электростанции, машиностроение и проч. Такое удлинение радиуса обходного пути производства создает в значительной мере замкнутый в себе круг воспроизводства, где чугун и уголь питают железные дороги, а последние перевозят в основном ту же руду, уголь и чугун: где чугун и уголь производят машины и электроэнергию, которые в известной части идут для расширенного воспроизводства того же угля и чугуна и т. д.

Для иллюстрации достаточно сказать, что железные дороги САСШ, потребляя 25-30% производимого битуминозного угля, около 30% стальной выработки, 25-30% леса и т. д., перевозят в основном те же материалы, так как в грузообороте американских дорог руда, уголь, чугун и лес занимают около 60-70%. Соответственно с этим по мере индустриализации все большая и большая часть живого и накопленного общественного труда направляется не в производство средств потребления, а в производство средств производства, в результате чего растущее производство хлеба, одежды, обуви и проч., всегда покупалось и покупается еще более растущим воспроизводством угля, чугуна, машин и проч. Поэтому, отнюдь не является парадоксом утверждение, что человечество имеет прогрессивно-растущие аппетиты не к хлебу, а к чугуну, так как по существу более высокие темпы роста „А“ сравнительно с „В“ есть другая сторона и логическое условие роста с/в.

Так как расширенное воспроизводство группы А является ключем ко всякому типу индустриализации, то этим только и можно объяснить отождествление подмену понятий „индустриализация“ и „индустрия“. Вообще же ведущими отраслями являются капиталоемкие, энергоемкие, высокоструктурные наивысшие в производственной вертикали отрасли с пониженной отдачей капитала, развитие которых поднимает производительность труда во всем комплексе связанных с ними низкоструктурных отраслей.

Эффективность такого обходного пути производства в том, что только путем создания подобного комплекса отраслей, удлиняющих

От редакции: печатается в порядке обсуждения. Статья сдана автором в редакцию в мае.

*) Именно такое понятие индустриализации мы и встречаем у Ленина, когда он говорит о необходимости подвести под наш транспорт, сельское хозяйство, строительство и проч. „базу современной крупной машинной индустрии“. В другом же месте говорится о необходимости „массовой перестройки мелкого домашнего хозяйства в крупное социалистическое хозяйство“.

орудие производства, человечество получает возможность производить растущую сумму потребительских благ ценою снижающихся затрат живого труда. Поэтому, вопрос о том, дает ли такая обходная система орудий производства больше продукции на единицу основного капитала или меньше, этот вопрос является особого рода проблемой.

Остановимся детальнее на этих моментах.

Для каждой отдельной отрасли эффективность вложений определяется экономией в затратах на производстве продукции при старом и новом способе производства. Экономия в затратах живого труда (зарплата), сырья, топлива и вспомогательных материалов может идти параллельно росту амортизации на единицу продукции, и тем не менее новое производство будет выгодным, так как плюс может в несколько раз перекрыть минус. Как выглядит этот процесс для всего общественного хозяйства, где категория сырья, топлива, полуфабриката и вспомогательных материалов не существует, так как валовая продукция общества состоит только из амортизации, стоимости авансированного оборотного капитала и вновь присоединенной чистой продукции ($v + m$)? Для общественного хозяйства в целом всякая экономия в отдельных отраслях как на зарплате, так и на сырье и топливе есть экономия на затратах живого труда и только.

Схематически положение таково: если при старом способе производства общество получало 1000 Р, затрачивая 65 дней на воспроизводство основного капитала и 300 дней на непосредственное производство продукта, то при новом способе общество сможет получить те же 1000 Р, затрачивая, например, на воспроизводство основного капитала 100 дней и на прямое производство только 150 дней, экономя на „зарплате“ и „сырье и топливе“, т. е. на труде, создающем материю того и другого. В итоге же, во втором случае общество „покупает“ продукцию не за 365 дней, а за 250 дней, используя остальные 115 дней труда различных отраслей для других целей (Nota bene: экономится не труд безработных, лишенных средств труда, а труд вооруженных рабочих, воплощающийся в пище, одежде, угле, чугуне и проч.).

Правда, „отдача“ основного капитала во втором случае понизилась. Впрочем, это понижение P/c по мере роста c/v может и не быть, если новая машина производится в условиях новой техники. Но если даже такое падение P/c по мере роста c/v и является эмпирической закономерностью на том или ином отрезке технического развития, то можно ли говорить поэтому о „законе убывающей производительности последующих затрат капитала в промышленности“, если сниженная отдача по линии одного из факторов производства перекрывается ростом эффективности по линии всех прочих факторов?

Рассматриваемый нами вопрос об элементах себестоимости продукции отчасти связан с вопросом о скорости оборота основного капитала, не смотря на то, что последняя определяется отношением авансированного капитала к ежегодной массе амортизации, тогда как в первом случае нас интересовало отношение продукции к годовой массе амортизации. Напр., Панамский канал стоимостью в 8,8 млрд. марок имеет замедленную скорость оборота капитала, функционируя зато, как сила природы и потому давая громадную общественную экономию. Десятки миллиардов рублей, вложенные в железные дороги мирового хозяйства, также имеют замедленную скорость оборота, сравнительно, например, с гужевым транспортом, но общественная экономия на разнице в эксплуатационных издержках между механическим и гужевым транспортом достигает для одних США не менее чем 25—30 млрд. долл. ежегодно. Так как отдача капитала определяется скоростью оборота капитала

(отношение основного капитала к ежегодной амортизации) и массой амортизации в единице продукции, то отношение чистой продукции к капиталу по мере удлинения орудия производства имеет тенденцию к понижению. В обратном направлении действует технический прогресс, повышающий эффективность каждой единицы капитала.

Итак, нужно признать, что по мере хозяйственного прогресса радиус концентрира А удлиняется, соответственно с чем удлиняются и приводные ремни между А и В. Так как этот процесс удлинения обходного пути производства логически связан с относительным и абсолютным ростом концентрира „А“, получающим в значительной мере самодовлеющее бытие, то ряд экономистов (Зомбарт, Варга), в связи с этим пришел к переоценке роли внутреннего рынка для империалистических стран, в частности для Германии; с другой же стороны, этот процесс привел Туган-Барановского к его арифметическим парадоксам о возможности расширенного общественного воспроизводства исключительно в концентре А. В действительности же, каждому уровню развития производительных сил общества отвечают определенные пропорции А и В, обуславливаемые всякий раз массой элементов основного капитала, создаваемой „А“ для „В“. При данной социальной структуре общества пропорции между „А“ и „В“ изменяются в связи с ростом накопленного мертвого труда и техническим прогрессом.

Именно поэтому, даже в условиях капиталистического хозяйства, где потребление не есть логическая цель производства, после всякой высокой конъюнктуры, т. е. после периода интенсивного расширения и переоборудования основных капиталов страны, „А“ всегда подтягивало „В“ путем принудительной декапитализации и снижения цен. Таким образом, независимо от длины радиуса обходного пути производства, всякий раз замыкающийся концентр А подтягивает В, ведет его за собой.

Ведущее значение „А“ относительно „В“ есть другая сторона примата производства над потреблением. Действительно, расширенное производство А, давая свою потребительскую отдачу в форме С для группы В, ведет как к количественно и качественно расширенному удовлетворению старых потребностей (жилье, одежда, пища и проч.), так и к созданию новых потребностей (напр. авио, авто, радио, кино и проч.). При этом формы общественного потребления растут быстрее форм индивидуального потребления (коммунальные и социально-культурные услуги, дорожное строительство и проч.). Но „А“ растет не столько за счет экстенсивного роста „С“ в старых и новых отраслях „В“ (рост С в В при старой структуре c/v) сколько за счет интенсивного роста С в В (замена одного уровня c/v другим, более высоким). В последнем случае „А“ может расти даже при стабильном воспроизводстве „В“; „А“ растет за счет освобождения человеческой энергии и времени от трудовых процессов, что, естественно, ведет к росту потребления обществом всех элементов нематериальной продукции (наука, искусство и проч.) и услуг.

Именно потому, что „С“ в „В“ растет и экстенсивно за счет „что“ — „сколько“ и интенсивно за счет „как“, „А“, создавая орудия производства для „В“, не имеет предельных лимитов роста. Если общество не сможет съесть больше пищи, или сносить одежды против определенной нормы, если этим диктуется не только замедленный темп роста „старых“ отраслей, (сельское хозяйство, текстиль и проч.), но и „новых“ (напр., при доведении авто до 1 на голову населения), то для „А“ имеются бесконечные резервы роста за счет повышения технического состава капитала во всем общественном производстве. Абсолютным

пределом в этом случае явилось бы снижение массы живого труда до нуля¹⁾ Иначе говоря, несмотря на то, что при данных социальных условиях каждому уровню накопления и технического развития отвечают определенные пропорции „А“ и „В“, при условии прогрессирующего накопления и соответствующего технического прогресса отношение А к В имеет тенденцию к увеличению. (Впрочем, тот же технический прогресс может выпрямлять обходные пути производства, напр., заменяя механическую обработку химической).

Поэтому, в условиях географически-неравномерного развития производительных сил, отсталые сектора мирового хозяйства, имея перед собой последние достижения технического развития передовых стран, по существу имеют лишь один лимит для роста „А“—массу накопления. Действительно, в условиях „догона“, в период коренной реконструкции унаследованной системы производительных сил, когда имеет место революционная замена одного „С“ другим (напр., вола автомобилем и трактором) на весь период реконструкции развитие „А“ может идти форсированными темпами, не приводя к „перекапитализации“.

Иначе говоря, в период „догона“ А может развиваться за счет собственного рынка; и только после замыкания всех звеньев реконструированного концентра А, после окончания строительства нового обходного пути производства, А принудительно станет перед необходимостью подтянуть В по своему уровню. Но, не имея перспектив перепроизводства продукции А (при условии соблюдения чисто-технических отраслевых пропорций угля к руде, чугуна к машинам и проч.), такое отсталое хозяйство имеет угрозу недопроизводства, если слишком удлинит обходные пути и не сможет поэтому в тот или иной отрезок времени замкнуть все звенья новых обходных путей (напр., довести руду и уголь через ряд звеньев к машинам, необходимым для воспроизводства хотя бы даже ограниченной массы продукции В). Если такая отсталая страна удлинит радиус старого пути производства в несколько раз, то на весь период постройки нового пути создается самозамыкающийся рынок, который берет растущую продукцию стройматериалов, угля, металла, пищи, транспортных услуг и проч., не давая никакой отдачи для концентра В, а следовательно, и для уровня потребления общества. Последнее обстоятельство — рост А ради расширенного воспроизводства А — у поверхностного наблюдателя создает „туган-барановские“ настроения: А оторвано от В; рост производительных сил оторван от сегодняшнего потребления; все подчинено росту основных капиталов страны. Так, производство тракторов и автомобилей требует предварительного строительства железо-рудных и угольных копей, металлургических заводов, электростанций и пр. и параллельного строительства заводов алюминия, высокосортной стали, шарикоподшипников, магнето, карбюраторов и пр. На весь период стройки вся затрачиваемая в строительство масса накопления даст нулевую потребительскую отдачу. Но и после стройки первичных звеньев этого обходного пути

1) Из этого следует, что общественная выгодность или невыгодность машины („рентабельность“) на 100% относительное явление. Так, машина, невыгодная при десятичасовом рабочем дне, будет выгодна при восьмичасовом или шестичасовом дне и т. д.; с другой стороны, дорогая машина, невыгодная при уровне потребления 10, будет выгодна при уровне потребления 15, а дешевая машина, выгодная при уровне потребления 10, будет невыгодна при более дорогой зарплате. Но как раз потому, что общество не может произвольно выбирать тот или другой уровень потребления, а также не может произвольно сократить свое рабочее время, именно поэтому уровень механизации, выгодный в одной стране, или в одно время, будет невыгоден в другой стране и в другое время.

производства таковые пред'являют растущие требования к сырью, топливу, пище и проч., опять таки, не давая потребительского эффекта.

Как пример такого самозамыкающегося комбината можно привести строительство Днепровской гидростанции. Днепрострой является только верхним звеном определенного производственного концентра; потребители его энергии—предприятия Днепровского комбината—также явятся только частичными звеньями нового обходного пути, которые дадут продукцию для дальнейшего производственного потребления (металл, электросплавы, основные химводороды и проч.); потребительская же отдача этого концентра будет иметь место, таким образом, только через несколько звеньев, а стоимость всего этого комбината, доведенного в своей отдаче до непосредственной связи с группой В, будет в несколько раз превышать стоимость самого Днепростроя.

С другой же стороны, строительство, например, металлургического завода даст свой народно-хозяйственный эффект только в том случае, когда вырабатываемый чугун сможет принять форму целой системы машин и конструкций, что потребует, в свою очередь, строительства целого ряда добавочных отраслей промышленности. И только по замыкании всех звеньев нового обходного пути производства, концентр А сможет дать для В новую систему орудий производства, новое С, которое, резко повышая производительность труда в отраслях В, резко поднимет за собой общественный *standart of life*. Поэтому противопоставление А и В—для периода реконструкции есть по существу противопоставление интересов реконструкции основных капиталов для последующего роста потребления интересам текущего потребления на основе старой структуры капитала. Так как подтягивание В на основе такой реконструкции концентра А совершается скачком, то этот путь развития мы называем „скачкообразным“, противопоставляя его „эволюционному“, регулируемому „законом“ стоимости.

Вместе с тем, в силу неравномерного развития отдельных секторов мирового хозяйства, отсталые его районы имеют возможность более быстрых темпов индустриализации, сокращая длину обходного пути при посредстве внешней торговли (импорт продукции капиталоемких отраслей) и не повторяя этапов технического развития старых стран (напр., установка электродвигателей вместо паровых, замена механических процессов производства химическим и проч.).

Тем не менее, нужно признать, что в каждый данный момент, для всякого общества существуют определенные пропорции перераспределения накопления между А и В, определяемые массой накопления и уже имеющейся структурой производительных сил. Если общество не желает деградировать, то оно должно во всяком случае обеспечить хотя бы имеющееся соотношение c/v в каждой из отраслей.

Но нас интересует проблема максимума на стороне А; иначе говоря, в какой мере возможно вообще удлинять обходные пути производства?

Предельным лимитом в этом случае будет производство общественно-необходимой продукции, как группы В, так и самой группы А.

Само понятие общественно-необходимой продукции „является весьма относительным; при данном уровне производительных сил оно определяется социальной структурой общества, социальным распределением народного дохода и т. д. Поэтому два общества при одном и том же уровне производительных сил могут иметь различную потребность в хлебе, текстиле и проч. Вообще же, общественно-необходимая продукция обуславливается общественными потребностями при данных

возможностях. В условиях рыночного хозяйства общественно-необходимая продукция должна количественно и качественно отвечать рыночному спросу: в условиях регулируемого хозяйства общественно-необходимая продукция определяется рядом норм физиологических, санитарно-гигиенических, социально-культурных, технических и т. д.

Так или иначе, но каждое общество имеет потребность в определенном минимуме благ, который может быть произведен в каждом отдельном случае определенным способом. Соответственно с этим, вложения в А должны обеспечить для В определенную массу элементов основного капитала. Из этого следует, что люди выбирают более короткие орудия производства, более короткие обходные пути производства не по причине непонимания преимуществ удлиненных путей, а в силу того положения, по которому всякое общество может получить общественно-необходимую продукцию только ценою общественно-необходимых затрат. А критерий общественно-необходимых затрат будет один для САСШ и другой для Китая. Именно поэтому воспроизводство общественно-необходимой продукции требует не только соблюдения пропорций между А и В, но и пропорций между С и V, что и обуславливается выбором определенного радиуса обходного пути производства. Действительно, если даже группы А и В в первом году и сохраняют общественно-необходимые пропорции в массе накопления, но А расширит свой концентр отраслей против общественной необходимости, то ко второму году группа В может остаться без орудий производства, т. е. группа А до окончания строительства всего концентратора не сможет дать орудий производства для В ни старой номенклатуры, ни новой. Поэтому, когда говорят о нарушении пропорций между А и В за счет форсирования А, то это означает лишь то, что принято такое увеличение обходных путей производства, при которых общественно-необходимое воспроизводство группы В задерживается при старой структуре c/v , не имея материальных возможностей для расширенного воспроизводства при повышенном уровне c/v .

Соответственно с этим, противопоставление интересов тяжелой индустрии и легкой, интересов промышленности и сельского хозяйства по меньшей мере безсодержательно, т. е. расширенное воспроизводство группы В в целом (легкая индустрия и сельское хозяйство по преимуществу) всегда предполагает предварительное строительство группы А, производящей орудия производства для В. Поэтому с экономической точки зрения, противопоставление А и В имеет смысл только как противопоставление одного обходного пути другому.

Возьмем хотя бы диспропорцию между нашей промышленностью и сельским хозяйством. Если наше сельское хозяйство отстает в своем развитии от промышленности, то не потому, что мало вкладывалось денег в сельское хозяйство, а только потому, что отставало в своем развитии сложное сельско-хозяйственное машиностроение, тракторостроение, химическая промышленность и проч. Точно также, если легкая индустрия отстает от растущих общественных потребностей, то лишь потому, что в первую очередь отстает от общественных потребностей тяжелая индустрия: уголь чугуна, машиностроение. Это, конечно, не значит, что нельзя было бы форсировать сельское хозяйство и легкую индустрию на технически пониженной базе или на основе тяжелой индустрии капиталистических стран. Но последние пути неприемлемы по социально-политическим условиям.

Абстрагируясь от моментов социально-политического порядка, нужно сказать, что переход от одного уровня C/V к другому, а, следовательно и выбор длины орудия производства должен определяться каждый раз

не обще-техническими соображениями, а принципом субституции, принципом замещения менее выгодных пропорций более выгодными при данных условиях. Иначе говоря, переход от одного уровня C/V к другому повышенному, должен решаться путем калькуляции, определяющей соотношение доли и массы живого и мертвого труда в единице продукции. Определенная машина может быть выгодна в условиях, где амортизация на единицу продукции будет меньше стоимости замещаемой ею рабочей силы, и невыгодна в других условиях при обратном соотношении указанных ценообразующих факторов.

С другой стороны, переход от низко-структурных отраслей к высоко-структурным определяется или изменением структуры общественного потребления, или общественной невыгодностью расширения производства при старом радиусе обходного пути. По существу здесь также играет свою роль принцип субституции, так как переход от низко-структурных отраслей к высоко-структурным решается соответственно с потребностями при данных возможностях. Действительно, если бы было возможно и общественно-выгодно получить общественно-необходимую продукцию при старом способе производства, то не было бы стимулов и необходимости строить более удлиненные пути производства.

В условиях капиталистического хозяйства пропорции A и B , C и V и проч. определяются нормой прибыли. В этих условиях общественно-необходимыми являются только те отрасли, которые дают определенный минимум рентабельности. Поэтому, повинаясь рыночному регулятору, капиталистическое хозяйство, не может поднять норму накопления выше определенного уровня, так как это привело бы к расширенному строительству группы A в условиях пониженной рентабельности сравнительно с группой B .

С другой же стороны, это хозяйство не может форсировать рост B подобно возможностям A опять-таки по моментам рентабельности. (Именно поэтому рост B идет принудительно путем декапитализации части инвестированных капиталов). Но это как раз говорит о том, что стоимостные категории вообще сдерживают рост материально-технических категорий. Больше того, реконструкция всякого общественного хозяйства немыслима без существенного ограничения действия „закона“ стоимости, ибо, повинаясь последнему, общественное хозяйство будет иметь не скачкообразный, а эволюционный характер развития. Именно поэтому общественное хозяйство в период реконструкции неминуемо должно ломать всякие рыночные пропорции, развиваясь вначале в условиях товарного голода, а по мере замены рынка плановым распределением в условиях большей или меньшей дефицитности отдельных товарных балансов¹⁾.

Интереснее всего то обстоятельство, что растущее недопроизводство в условиях всеобщей реконструкции имеет место параллельно растущему производству, продукция которого идет в основной капитал страны. Но так как производительные силы связаны с определенными категориями живых людей, т. е. существует определенная персонализация производительных сил, то из этого логически следует, что генеральная реконструкция общественного хозяйства неминуемо должна протекать в обстановке всеобщей социально-политиче-

¹⁾ Этим далеко не исчерпываются причины хозяйственной напряженности, проявлявшейся ранее в форме „товарного голода“, так как сам товарный голод явился исторически неизбежной фазой нашего развития в силу того, что революция изменила структуру довоенного личного и производственного потребления, унаследовав старую систему производительных сил.

ской напряженности, в обстановке обостренной классовой борьбы, которой отвечает соответствующая борьба на идеологическом фронте.

Вместе с тем, нужно признать, что существуют определенные границы всякого экономического напряжения, что общественное начало может изменять пропорции А и В в определенных лимитах, строго индивидуализированных для всякой страны. Но тогда ставится вопрос, как при этих условиях технически отсталая страна вообще может думать о перегоне передовых стран, если она не сможет сразу сплошным фронтом реконструировать свои основные капиталы по образцу, напр., САСШ?

Правда, параллельно можно поставить вопрос; нужно ли в целях перегона сразу идти сплошным фронтом или достаточно идти определенными этапами реконструкции? Короче говоря, как нужно догонять, чтобы перегнать?

* * *

Являясь передовой страной в социально-экономическом отношении и обладая поэтому громадными резервами „перегона“, мы поставили себе задачей в кратчайший исторический срок нагнать и перегнать передовые капиталистические страны в технико-экономическом отношении. Отставая от наиболее технически передовой страны — САСШ — почти на 40-45 лет, мы можем поставить себе задачу достигнуть уровня САСШ, примерно, за одно десятилетие именно в силу социально-экономических преимуществ нашей системы сравнительно с капиталистической.

Факторы ускорения темпа нашего развития сводятся в основном к следующему: удвоенная против САСШ норма накопления, что одно гарантирует удвоение темпа; развитие напоследнем уровне техники, используя достижения передовых стран и минуя этапы их технического развития (электричество вместо пара, химические процессы вместо механических и т. д.); более высокая, чем при капитализме, нагрузка существующего капитала, что позволяет нам при равной сумме капитала иметь минимум удвоение продукции (безпрерывка до 20%, сменность — 50-80%, отсутствие недогрузки, имеющей место в силу перманентного перепроизводства и межотраслевых диспропорций; повышенная нагрузка в силу обобществленной, а не частно-хозяйственной формы эксплуатации капитала и т. д.); возможность ациклического развития и потому отсутствие провалов в темпах в период кризиса и низкой конъюнктуры; более высокие организационные формы производства и обращения, рациональное географическое разделение труда и проч.

Все эти моменты гарантируют нам по меньшей мере в 4-5 раз более высокие темпы, чем средние темпы САСШ. Эти потенциально возможные темпы нашего развития должны быть логически связаны с определенным характером нашего капитального строительства, с определенным типом индустриализации нашей страны, так как далеко не всякие пропорции строительства гарантируют реализацию потенциально возможных высоких темпов. Иначе говоря, существуют пропорции, как условие темпа. Поэтому центр тяжести должен быть перенесен не столько в осознание наших возможностей, сколько в определение путей и этапов нашего строительства. Повторяем, при одних путях развития мы сможем реализовать возможность высоких темпов, при других рискуем замедлить эти темпы. Но тогда стоит вопрос: как нужно догонять, чтобы перегнать? Обычный ответ: нужно

развиваться, используя последние достижения техники, ничего не говорит, так как одним фактом нашей индустриализации мы получаем возможность развиваться на уровне последних достижений техники, минуя этапы ее предшествующего развития. В этом отношении мы имеем преимущество человека, покупающего автомобиль позже своего соседа и потому имеющего возможность купить более дешевую и более совершенную машину.

Проблема стоит в иной плоскости: должны ли мы, догоняя, уже сейчас, в условиях значительно меньшей массы накопления на душу населения против Соединенных Штатов, сразу брать последний тип окружного пути производства передовых стран, или в интересах темпа мы должны идти определенными этапами реконструкции в порядке определенной очередности, сегодня создавая предпосылки завтрашнего усиления темпа, завтра — послезавтрашнего и т. д., имея в виду необходимость в каждый данный момент максимальной экономии в затратах капитала и максимального эффекта на единицу произведенных затрат? Конечно, всякая индустриализация логически связана с прогрессивно растущим производством угля, чугуна, машин, нефти, электричества и пр., но комбинация, соединение этих элементов между собой определяет различные типы индустриализации. Тип индустриализации САСШ не походит на тип индустриализации Англии; в свою очередь немецкий тип не походит на американский. Начать хотя бы с того, что для Соединенных Штатов в условиях относительного недостатка людей и достаточной массы накопления и естественных ресурсов высокая механизация сравнительно с тогдашней передовой страной — Англией являлась и возможной, и необходимой; в Германии же — в условиях относительного избытка населения стояла проблема максимально-экономного использования каждой марки, максимально-экономного использования материи, что и было разрешено между прочим комбинацией химии с тяжелой и легкой индустрией, а также с сельским хозяйством. В отношении же уровня механизации Германия оказалась ниже Соединенных Штатов, несмотря на более поздний период индустриализации. С другой стороны, для Германии было характерным создание незамыкающегося внутри страны комбината угля, железа, химии, машин и проч.; в САСШ, наоборот, в каждый данный момент концентр А замыкался с концентром Б на основе внутреннего рынка. Еще большая разница имеет место между типом индустриализации Англии, как мировой фабрики, в Германии, как мирового завода. В результате, при абсолютном равенстве народного дохода обеих стран и при относительно более высоком уровне жизни в Англии (душевой доход выше германского в $1\frac{1}{2}$ раза) Германия по производственной мощи и в военном отношении более чем превосходила своего богатого соседа. Поэтому линейные темпы роста продукции ведущих отраслей еще ничего не говорят об общем темпе роста всего народного дохода каждой страны, так как межотраслевое сочетание чугуна и машин, пропорции C/V и ряд других моментов, определяющих выход продукции на единицу капитала и на душу населения, будут различны в различных странах. Но для нас важно определить не только *тип* индустриализации нашей страны, но и *этапы* индустриализации, исходя в обоих случаях из категорического императива в максимально короткий срок обогнать передовые капиталистические страны.

Переходя к анализу путей и этапов „перегона“, остановимся на требованиях, которые нужно предъявить в отношении типа индустриализации СССР. Тип индустриализации СССР должен будет удовлетворять следующим категорическим требованиям: 1 — растущим и вы-

соким темпам развития; 2 — растущей экономической самостоятельности страны; 3 — наибольшим возможностям социальной реконструкции в направлении наибольшего выкорчевывания всех факторов, могущих привести к рецидиву буржуазных формаций в стране; 4 — разрешению проблемы труда в широком смысле: ликвидация безработицы, поднятие общего материального и культурного уровня населения, сглаживание исторических диспропорций в уровне жизни города и деревни и между отдельными районами и т. д.; 5 — растущей обороноспособности страны.

В условиях большей или меньшей свободы рыночных форм производственных связей стояло бы еще одно условие — сохранение относительного рыночного равновесия, хотя бы даже в обстановке товарного голода. В условиях же регулируемого товарообмена речь может идти о сохранении таких пропорций между отдельными отраслями, которые гарантировали бы бесперебойный процесс воспроизводства всего общественного хозяйства, т. е. гарантировало бы динамическое производственное равновесие всей системы, т. к. и для нас существует категория „общественно-необходимой продукции“, определяемая, правда, не рыночными факторами, а рядом норм.

Какие же пути и этапы развития гарантируют реализацию всех приведенных моментов? Какие „обходные пути“ нужно строить в целях догона? Что нужно реконструировать и в какой очередности?

При достаточной массе накопления всего проще было бы нагнать передовые страны за один-два строительных сезона, сразу реконструировав существующие основные фонды страны по уровню передовых стран. Известная часть существующих фондов была бы при этом просто разрушена, напр., отсталые конструкции крестьянского транспорта и инвентаря; технически отсталые промышленные предприятия и пр. Но и при этом допущении мгновенной реконструкции страны должна была бы существовать известная последовательность, известная очередность в самом строительстве. Следовательно, нужно было бы иметь не только готовые материальные ценности и проект реконструкции, как календарный план строительства. Нереальность нашей гипотезы о минимальных сроках догона видна хотя бы из того, что даже при наличии соответствующего мирового займа в форме металла, машин и проч. основным тормазом в строительстве явился бы человек, т. к. процесс приспособления человека к реконструированной системе производства (создание инженеров, техников, агрономов, квалифицированных рабочих, экономистов, бухгалтеров, статистиков и т. д. и т. д.) потребовал бы гораздо большего времени, чем строительство в СССР второго фордовского автомобильно-тракторного комбината. Именно поэтому при самых смелых проектировках минимальный срок догона определяется сроками переделки, сроками реконструкции человека в соответствии с реконструкцией технических основ производства. Именно поэтому, если мы не совершим максимум в 2-3 года целой культурной революции, мы задержим темпы развития.

В действительности же положение осложняется тем, что сами фонды накопления нужно будет еще создать на протяжении ряда лет, ориентируясь на эффективность нового строительства и реконструированного унаследованного капитала.

Соответственно с этим проблема реконструкции должна быть на ходу связана с проблемой продукции, накопления и потребления.

(Окончание в след. номере).